

Не напрасно носил меч

Имя Александра Невского для многих прочно связано с государственным официозом. Люди считают, что, пользуясь моральным авторитетом святого князя, власти тем самым хотят оправдать любые свои действия. А, кстати, не дутый ли это авторитет? Может, всё это выдумки, средневековые мифы и легенды? А как же было на самом деле? Об этом мы беседуем с доктором исторических наук Сергеем Алексеевым.

— Сергей Викторович, о князе Александре Невском сейчас много спорят. Одни считают, что его чуть ли вообще не было, другие не сомневаются в его подвигах, но боятся, что его имя могут превратить в патристический лубок. Видите ли Вы такую опасность?

— Такая опасность есть. Если правители, прибегающие к образу святого князя Александра, действительно будут пытаться походить на него в своих поступках, то народ это воспримет нормально. Но если образ благоверного князя будет использоваться как этакий парадный портрет в советском стиле, который вынимается по праздничным дням, отряхивается от пыли, а затем ставится обратно, — в этом будет фальшь и, как следствие, раздраженная реакция народа.

Но есть и другая опасность. Мы все знаем, что когда указания даже самого мудрого, ответственного и высоконравственного руководителя спускаются на низовой уровень и начинают исполняться нашим обширным аппаратом, который видит свою задачу в том, чтобы формально отчитаться о проделанной работе, — тогда-то и начинается превращение всего и вся в лубок и соответствующе воспринимается народом. «Вчера хвалили Минина с Пожарским, сегодня Невского хвалят, завтра, может, Сталина хвалить будут, но какое это имеет отношение к нашей жизни?» — так рассуждают многие. У нас за десятки лет выработался такой мощный иммунитет к официальной пропаганде, что любые административные меры могут вызвать лишь обратный эффект.

Поэтому я считаю, что если наша власть действительно заинтересована в возвращении светлых исторических имен, то самое лучшее — предпринимать по этому поводу минимум организационных усилий, а просто позволить говорить о них тем, кто действительно помнит эти имена и живет ими. То есть просто не мешать их историко-просветительской работе.

— А что ответить тем, кто сомневается в исторической достоверности всего того, что мы знаем о

Сергей Алексеев

Родился в 1972 году в Москве. Окончил Российский государственный гуманитарный университет в 1993 году. С 1995 года преподает в Московском гуманитарном университете (МосГУ). Доктор исторических наук. Автор более 200 научных, научно-популярных, учебно-методических работ, в том числе 19 монографий и учебных пособий. Сфера научных интересов — история и культура Руси и Восточной Европы в Средние века, история религии. Председатель правления Историко-просветительского общества, главный редактор ежегодного альманаха «Историческое обозрение».

жизни Александра Невского? Это ведь сейчас модный тренд — утверждать, будто ничего не было: ни битвы со шведами на Неве, ни Ледового побоища? Причем я имею в виду не только, что называется, кухонные разговоры — ведь книги ниспровергателей выходят огромными тиражами и пользуются большим спросом.

— Ниспровергатели-ревизионисты, а уж тем более их читатели, попросту плохо знакомы с источниками по русской истории. Во-первых, житие князя Александра, по мнению большинства специалистов, создано буквально по горячим следам, то есть в последней четверти XIII века, когда живы были еще и его соратники, и его сыновья. Достоверность жития не вызывает сомнений даже у скептически настроенных историков.

Во-вторых, деятельность князя Александра достаточно подробно освещена в русских летописях того периода — прежде всего в Новгородской первой летописи, «старший извод» которой создавался в Новгороде на протяжении середины XIII — первой трети XIV века. Кроме того, это Владимирский летописный свод начала XIV века, сохранившийся в так называемом Лаврентьевском списке 1377 года. В-третьих, упоминания о князе Александре имеются в иностранных источниках, которые не противоречат русским, но подтверждают и дополняют их. Особенно ценны сведения об Александре Невском из Лифляндской рифмованной хроники, где содержится подробное описание его войны с Ливонским орденом и, в частности, Ледового побоища.

Порой приходится слышать, что о Невской битве, к примеру, нет сведений в шведских хрониках. Но говорящие так весьма смутно представляют себе шведское источниковедение — старейшая шведская рифмованная хроника относится к XIV веку и вообще говорит о событиях предшествующей эпохи путаной скороговоркой; шведские анналы тоже позднего происхождения. Основные письменные источники по истории Швеции XI–XIII веков — иностранные, а отчасти и русские летописи. Так что все на самом деле было. Можно спорить о каких-то мелких частностях — и это нормальная ситуация для исторической науки, — но в целом никаких оснований для кардинального пересмотра наших представлений об Александре Невском нет.

Почувствуйте разницу

— Наши с Вами современники порой упрекают князя Александра за жестокость. Он ведь и на войне проливал кровь, и в мирной жизни казнил массу народа. Какая уж тут, говорят, святость?

— Заметим, что современные правители тоже ведут войны и проливают кровь. Наверное, нет ни одного прави-

теля достаточно сильного государства, который не оказывался бы в ситуации оборонительной, а то и наступательной войны.

Большая часть войн, которые вел князь Александр, носили оборонительный характер, а когда он прибегал к наступательной войне, как в 1242 году против Ливонского ордена, поводом для нее все равно послужило вторжение противника на его территорию.

Теперь по поводу казней. Уже само это недоумение наших современников свидетельствует о том, что за последние десятилетия общественное сознание изменилось к лучшему: казни нам сейчас кажутся ужасной вещью. А ведь еще лет 30–40 назад редко какой правитель мог похвастаться, что при нем казнено меньше народу, чем при князе Александре. А уж обвинения, будто он казнил «массу народа» — совершенно необоснованны. Нам известно лишь о двух казнях, совершенных Александром Невским.

Во-первых, он повесил старшин подвластных ему финских племен, перешедших на сторону немцев во время известной войны, кончившейся Ледовым побоищем. Между прочим, рядовых пленников он при этом отпустил на все четыре стороны. Для контраста стоит упомянуть, как вели себя немцы в Прибалтике. Ливонский орден во множестве казнил бывших данников Руси, которые даже и не предавали немцев, поскольку никогда ранее не приносили им вассальных клятв, а просто отказывались подчиняться и принимать христианство латинского обряда. Их истребляли безжалостно, подчас целыми селами, и все это описано в орденских хрониках. Так что, как говорится, почувствуйте разницу.

Во-вторых, он казнил дружинников своего сына Василия, бывшего на тот момент новгородским князем, за то, что они способствовали его разрыву с отцом, подбивали восстать против Орды. Уточню: часть этих людей были казнены, а часть изувечены — это обычная средневековая практика.

Но, замечу, по меркам той эпохи князь Александр не был жестоким человеком. Он не разнообразил способы казни, как это делали многие его «коллеги», да и, как видим, казнил довольно редко.

Вообще, когда с современных моральных позиций начинают обличать в жестокости людей далекого прошлого — это серьезная ошибка. Это нарушение принципа историзма, согласно которому оценивать ту или иную личность надо в контексте эпохи. Сравнить князя Александра надо не с нынешними интеллигентами-гуманистами, а с современными ему правителями на Западе и на Востоке. Он ведь был современником и владык Золотой Орды, дававших сто очков вперед в смысле казней, пыток и войн, и французских феодалов, примерно в те же годы ведших Альбигойские крестовые походы.

Да, в истории Руси тоже были разные религиозные коллизии, порой весьма жесткие, но такого (причем, по западным меркам — весьма скромного) уровня массовых казней, как, допустим, во время действий Доминго де Гусмана на юге Франции, никогда не было ни в истории Русской Церкви, ни в истории русского государства вплоть до правления Ивана Грозного.

Так что в сопоставлении даже с христианскими правителями своей эпохи князь Александр очень и очень выигрывает.

ВОИН

Больше всего известны именно военные успехи князя Александра, однако мало кто знает, что две свои главные победы, прославившие его в веках, он одержал в первые годы своего княжения. В год Невской битвы ему было всего 18, Ледовое побоище состоялось через два года, когда князю исполнилось только 20 лет.

— А можно ли вообще применять к правителям те же нравственные мерки, что и к обычным людям?

— Это очень важный вопрос, от понимания которого зависит, по-христиански ли мы воспринимаем государственную власть. Правитель (тем более, если мы говорим о христианском правителе) должен «не напрасно носить меч» — такое требование предъявляет к нему апостол Павел (Рим 13:4). «Не напрасно носит меч» — это значит, что он обязан силовым путем карать зло, как внешнее, так и внутреннее. На обычного христианина эту обязанность апостол не возлагает, обычный христианин должен в таких делах полагаться на власть. С большинства из нас эта тяжелая ноша снята. Именно поэтому, кстати, христианская власть на Руси ограничила, а затем запретила кровную месть.

Надо сказать, это требование «не напрасно носить меч» в русской политической культуре было укоренено еще со времен святого князя Владимира. Вспомним, как епископы разъяснили ему это, когда он, «боясь греха», стал избегать казни разбойников. И князь Александр, живший почти двести лет спустя после Владимира, конечно же, знал, в чем состоит долг правителя, знал, какая лежит на нем ответственность.

Я думаю, что даже со всеми оговорками, связанными с гуманистическими традициями Нового времени, постулирующими человеческую жизнь как высшую ценность, современным государственным деятелям есть чему поучиться у средневековых правителей в осознании этой своей ответственности.

Отвергнутая корона

— А насколько в своей политике князь Александр руководствовался христианскими соображениями? Точнее сказать, как он поступал, когда вера и государственная целесообразность вступали в противоречие?

— Да, такие искушения перед князем периодически вставали. Но именно зная о его реакции на такие искушения, мы и можем сделать вывод, что Александр был всеерьез верующим христианином.

Наиболее известное искушение произошло спустя несколько лет после Ледового побоища. Ему было предложено принять королевскую корону из рук Римского папы Иннокентия IV — тем самым ему предлагались очень почетные условия вхождения Руси в Западный мир: сохранение границ, королевский титул, укрепление своего статуса на Руси, а в ближайшей перспективе создание русского католического королевства. Альтернативой была зависимость от Орды, унижительное подчинение чужезверному хану. Если исходить из рациональных соображений, из политической целесообразности, то за корону нужно было хвататься обеими руками.

Но Александр от нее отказался. Объяснить это можно только православной верой князя. Он понимал, что если согласится на предложения папы, то придется полностью перестроить всю жизнь Руси на западный лад и Православие будет уничтожено. Принять корону означало открыть двери католическому духовенству, а как именно оно внедряло бы латинский обряд, Александр видел на примере деятельности крестоносцев в Прибалтике. Ни о какой веротерпимости в ту эпоху и речи быть не могло — только огнем и мечом!

А вот зависимость от Орды не предполагала смену веры. Монголы собирали подати, но не вмешивались в религиозные дела, давая Церкви полную свободу. Напомню, речь идет о середине XIII века: Орда еще многоверная, ислам там будет принят только во второй четверти XIV века.

Так князь сделал выбор. Мы можем только догадываться, какие при этом у него были мысли, какие борения. Несомненно, он тяготился унижением Руси; несомненно, ему хотелось независимости. А как правитель, он не мог не думать о мире и безопасности своих подданных, за жизнь которых он отвечает. В королевстве им уж точно было бы безопаснее. Но ценой стало бы предательство Православия. И князь отверг предлагаемую корону.

А вот другой его современник, Даниил Галицкий, в аналогичных обстоятельствах корону принял (правда, обещанной ему при этом военной помощи против Орды так и не получил). Вообще, Даниил Галицкий — это пример идеального политика, всегда исходящего из рациональных соображений. Он сумел устоять под натиском разнообразных внешних угроз, удержался в своем Галицком княжестве до самой кончины — постоянно лавируя. Вступил в союз с братом Александра Невского Андреем, который восстал против Орды, — и заигрывал с Батыем, чтобы избежать карательного похода в Галицию. Принял от Папы корону, а когда понял, что обещанного крестового похода против монголов не будет, — покорился Орде и помогал ей в войнах против венгров и поляков. Да, при жизни он добился, чего хотел. Да, его политика оказалась успешной. Но вот в долгосрочной перспективе ничего хорошего для Галицкого княжества не произошло.

В противоположность Даниилу, князь Александр Невский — не только политик. Будучи православным христианином, он поднимался над той социальной ролью, которую должен был играть в качестве князя, в качестве правителя. Хотя и как политик он оказался достаточно мудрым, чтобы не навлечь на русские земли новых ордынских нашествий, подобных тому, какое накликал его брат Андрей. Кстати, интересная деталь: в отличие от множества своих современников и потомков, Александр не участвует своей дружиной в подавлении восстания Андрея, владимирского князя, — притом что он был

первым кандидатом на владимирский престол, да и с точки зрения тогдашней ордынской политики попросту обязан был участвовать. Однако сумел от этого уклониться. Да, он взял у хана ярлык, он занял оставленные Андреем города, но непосредственно в военных действиях против брата не участвовал. Это совершенно уникальный случай на Руси — и тогдашнего периода, и последующих.

Я думаю, что именно христианскими соображениями Александр руководствовался и несколькими годами позднее, уже после печальной истории с казнью дружинников сына Василия. Спустя два года после этого, когда весь Новгород восстал против ордынских послов, Александр пришел с войском, взял ордынцев под свою охрану и... никого из жителей города не казнил, никого не искалечил. Он сумел их убедить (пускай и сурово, пускай и угрозами) в правоте своей политики подчинения Орде, не пролив ни капли крови — в отличие, кстати, от бунтарей-новгородцев.

— Что же, Вы хотите сказать, что в его жизни не было никаких грехов и никаких ошибок?

— Безгрешных людей, а уж тем более безгрешных правителей не бывает. Были свои минусы и у князя Александра. Правда, основываясь на житии и на летописях, мы, историки,

далеко не всегда можем судить о его правоте или неправоте в конкретных случаях. К примеру, мы знаем, что его политика в отношении Новгорода встречала осуждение новгородского архиепископа. Кто был прав? Понятно, что для Владимиро-Суздальской Руси было разумно подчиниться Орде. А вот для Новгородской Руси, отгороженной поясом непроходимых болот, которые не одолел Батый? Возможно, Новгород тогда и впрямь мог бы сохранить независимость, а Александр в данном случае поставил преданность своей политике выше интересов новгородцев. Но это, конечно, вопрос спорный, тут у историков разные мнения.

Однако мы не можем говорить, что князь совершал что-либо, однозначно несовместимое с христианской нравственностью, — у нас попросту нет таких сведений. Можно было бы поставить ему в вину суровую расправу с дружиной сына: там ведь были не только казненные, но и изувеченные, а изувечить — это по тогдашним понятиям означа-

ДИПЛОМАТ

Главная заслуга князя Александра как государственного деятеля — вовсе не в военных успехах, а в умелой дипломатии, которую он вел в течение всего своего правления, балансируя между Западом и Ордой.

ло унизить. Казненный сразу уходил на суд Божий, увечный оставался жить, нося свое увечье как клеймо совершённого (или не совершённого) преступления. Но это — взгляд из нынешнего дня, а я вновь напомню, что смотреть надо в контексте той эпохи.

Иерархия ценностей

— Многие люди считают, что, прославив князя Александра Невского в лике святых, Церковь тем самым отблагодарила его за патриотизм. То есть понятия патриотизма и святости уравниваются. Так ли это? В чем подлинные причины его канонизации?

— Мы, православные христиане, понимаем, что когда Церковь кого-либо причисляет к лику святых, в этом реализуется не столько человеческая, сколько Божья воля, и со временем раскрываются все новые и новые грани святости этого человека — грани, быть может, не вполне понятные его современникам.

Непосредственными инициаторами прославления князя Александра (пусть и на местном уровне) были его сыновья. Общецерковное прославление состоялось в 1547 году, и не последнюю роль здесь сыграло то обстоятельство, что Александр Невский — родоначальник московского княжеского дома. Но канонизирован он в лике благоверных, то есть Церковь тем самым показывает, что именно благая вера, Православие стало для князя мерилем всей его жизни. Именно ради возрождения Православия (разоренного, напомню, Батыевым нашествием) он воевал с Орденом и выстраивал отношения с Ордой. Благодаря ему Русь осталась православной. Но неправильно считать, что Церковь его канонизировала в награду за все это. Канонизация — это прежде

всего урок нам, христианам, это тот опыт, который мы должны осмыслить и которым должны мерить свою жизнь.

Давайте же разберемся, в чем состоит этот урок. Понятно, что в первую очередь он обращен к христианам-политикам, которым приходится управлять государством. У любого человека, в том числе и правителя, выстроена в сознании некая система приоритетов — что является безусловной ценностью, а чем можно пожертвовать ради достижения высшей цели. Для князя Александра такой высшей, безусловной ценностью было Православие, а все прочие — государственный суверенитет, богатство страны, уровень жизни, личный авторитет, наконец, — были относительными. Для большинства современных политиков эта ценностная вертикаль перевернута: мерой всех вещей они полагают свою персону, а вовсе не «высокие материи». Понять, в чем состоит главное и каким путем его можно достичь, — вот чему учит политика-христианина опыт святого благоверного князя Александра.

Но урок этот обращен не только к сильным мира сего, но и к нам, обычным людям. У каждого из нас тоже есть иерархия ценностей. Поскольку мы — православные христиане, то наша вера, наши отношения со Христом должны стать для нас высшей ценностью, вокруг которой и для которой выстраивается все остальное. Но как этого достичь? Тут есть две крайности, два соблазна. Первый — это всегда бескомпромиссно ломиться напрямик, отказываясь от трезвого взгляда на ситуацию, отказываясь поступиться даже самой малостью. В церковной жизни такое нередко заканчивается

«прелестью», сектантством, расколами и самыми разными человеческими трагедиями (вспомним хотя бы недавних «пензенских сидельцев»). Второй соблазн — это с готовностью идти на любой компромисс, полностью подчиняться жизненной суете, успокаивая себя тем, что «жизнь такая, все так делают, зато в душе я православный». Опыт князя Александра показывает нам, что идти следует срединным путем, что компромисс для христианина допустим — но далеко не всякий компромисс.

Отмечу также необычное, по меркам того времени, братолюбие князя Александра. Он всячески избегал междоусобиц — а делать это в ситуации тотальных княжеских распрей, взаимных доносов и свар в Орде было очень и очень непросто. Умение избегать конфликтов с ближними, с родными (ведь Рюриковичи, при всем своем огромном количестве, были одной семьей) — это добродетель, нужная любому человеку.

Теперь давайте разберемся с патриотизмом князя. Был ли он русским патриотом в том смысле, какой в наше время чаще всего вкладывают в это слово? В его времена и слова такого, «патриотизм», не было. Но он, как и все люди его эпохи, осознавал такое понятие, как «Русская земля», оплакивал ее невзгоды, радовался ее победам, призывал «постоять за Русь». Но Русь

он не мыслил вне православной веры, и назначение ее видел в хранении этой веры, а потому не ставил во главу угла государственную мощь как таковую. Для многих наших сегодняшних патриотов высшая ценность — это Россия как великая держава, как могущественное, независимое, процветающее государство. А уж насколько она при этом православная — вопрос хоть и важный, но не первостепенный. Для Александра Невского такой «патриотизм» был немыслим — что мы и видим в истории с отказом от короны. Поэтому патриоты, считающие Александра Невского «своим», должны и сами стать *своими* ему — то есть воспринимать как высшую ценность Православие. Остальное приложится — так и потомки Александра, князя московские, в соработничестве с Церковью снова сделали Русь независимой и великой. ■

Беседовал Виталий КАПЛАН
рисунки Наталии КОНДРАТОВОЙ

МОНАХ

Принятие монашеского пострига — логичный поступок, к которому глубоко верующий князь шел всю свою жизнь, стремясь в первую очередь руководствоваться своей верой, а не политической выгодой.